

Оба они были взрослыми людьми за двадцать: один годами варился в корпоративной среде, навидавшись всяких проходимцев, другой объездил множество мест, сохранив независимость души и собственного «я». Когда возникала подходящая атмосфера, эти двое целовались без малейшего стеснения, но стоило им открыто признать, что они начинают встречаться, они как будто превратились в зелёных юнцов — застыли друг перед другом, охваченные робким смущением и растерянностью.

Не удержав равновесия, Чэн Цзайе первым отступил на шаг, и в этой неловкой заминке наступил на валявшийся на земле шланг и пережал его. Струя под давлением вырвалась вверх, окатив обоих с ног до головы, особенно вымочив штаны.

Цзян Шоуянь первым прыснул со смеху, Чэн Цзайе подхватил. Ему безумно нравилось видеть на лице Цзян Шоуяня живые, искренние эмоции, без тени притворства. В такие моменты Чэн Цзайе чувствовал, что становится к нему чуточку ближе. Он и вправду всем сердцем желал Цзян Шоуяню счастья и хотел делить с ним всё, что приносило тому покой и радость.

Воздух в горах циркулировал медленно, а устремлённые в небо деревья заслоняли палящее летнее солнце. Стоило подуть горному ветру, как прилипшая к телу мокрая одежда отозвалась пронизывающим холодом, который невозможно было игнорировать.

— Пойдём наверх, переоденемся, — предложил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь, немного подумав, ответил:

— Давай вместе.

— Хорошо, я только выключу воду.

Они разошлись по комнатам.

Цзян Шоуянь постоял немного у двери, оттягивая ворот футболки, и лишь затем, опустив ресницы, повернулся к чемодану, чтобы найти чистые вещи. Его окатило водой сильнее, чем Чэн Цзайе: мало того что штаны промокли почти полностью, так ещё и на животе расплылось мокрое пятно. Ему не нравилось это липкое ощущение, поэтому он, взяв банные принадлежности, решил заодно принять душ.

Душевая находилась в конце коридора на втором этаже. Стоило Цзян Шоуяню приоткрыть дверь своей комнаты, как дверь соседней тоже распахнулась. Чэн Цзайе, взглянув на вещи в его руках, спросил:

— Собрался в душ?

Цзян Шоуянь кивнул.

— Кран горячей воды справа, — подсказал Чэн Цзайе, — нужно немного слить, чтобы пошла тёплая.

Они снова замерли в конце коридора. Дверь в ванную была закрыта, но ни один не спешил протягивать руку, чтобы её открыть. Так можно до темноты стоять. Цзян Шоуянь решительно протянул руку — рука Чэн Цзайе коснулась дверной ручки одновременно с его. Их пальцы на мгновение соприкоснулись в воздухе, замерли и синхронно отпрянули. После этого раунда дверь ванной всё ещё оставалась закрытой. Две пары глаз уставились на тёмно-коричневое дерево, словно не понимая, откуда эта нелепая скованность.

После паузы Чэн Цзайе отвернулся и негромко рассмеялся. Он сделал шаг вперёд, повернул ручку, толкнул дверь и щёлкнул выключателем.

— Будь осторожен, пол от воды становится скользким.

Цзян Шоуянь держал в руках одежду и полотенце. Ванная была узкой, и когда он собирался проскользнуть мимо Чэн Цзайе, тот вдруг слегка потянул его за руку. В момент, когда он повернул голову, в уголок его губ упал поцелуй. Не успел он прийти в себя, как Чэн Цзайе,

весело улыбаясь, уже отступил на несколько шагов назад и любезно прикрыл за собой дверь.

Цзян Шоуянь провёл в душе довольно много времени. Когда он вышел, от его тела шёл тёплый белый пар. Деревянная галерея второго этажа была полуоткрытой. Чэн Цзайе где-то раздобыл два горных велосипеда и теперь, пользуясь тем, что ещё не стемнело, чинил цепи на заднем дворе. Цзян Шоуянь прислонился к колонне и, вытирая волосы полотенцем, стал наблюдать за ним сверху.

Заметив его, Чэн Цзайе, не разгибая спины, крутанул педаль и сказал:

— Я тут от нечего делать заглянул в кладовую, подумал, вдруг найду какие-нибудь сокровища от прежнего хозяина. И ведь нашёл — два горных велика.

Здесь, вдали от мирской суеты, развлечений было немного: целыми днями только и делать, что слушать ветер, ловить рыбу или ехать вперёд по горным тропам до самого конца пути, где дорогу обрывало бескрайнее море.

— Состояние неплохое, только цепи немного заржавели. — Чэн Цзайе поднял голову. — Когда закончу, сможем вместе выбраться на прогулку.

Ласково прошелестел горный ветер, и Цзян Шоуяню на мгновение почудилось, будто в долине отозвалось эхо коровьих колокольчиков. Он смотрел на мужчину, который, скрестив ноги сидел на траве, и внезапно ощутил невыразимое спокойствие — чудесное, хрупкое чувство. Оно, словно река, тихо и безмолвно струилось внутри него.

Жизнь в горах была наполнена естественной негой: засыпать под едва слышный стрекот цикад и просыпаться под звонкое пение птиц — в этом было неопишваемое умиротворение и простота.

В последние дни то и дело шли дожди. Прогулку, предложенную Чэн Цзайе, пришлось отложить, но Цзян Шоуянь был мастером коротать время, на улице или в четырёх стенах. Поэтому, даже оставаясь вдвоём с Чэн Цзайе в этом деревянном доме, Цзян Шоуянь ни капли не скучал. Он даже постепенно восстановил режим сна, и спалось ему здесь слаще, чем в любую из прежних ночей.

Как обычно, Цзян Шоуянь, шлёпая тапочками, спустился вниз, свернул на кухню и в неярком утреннем свете увидел знакомый силуэт. Сегодня Чэн Цзайе надел рубашку с коротким рукавом. Как и большинство его вещей, она была из уютного мягкого хлопка. Утренние лучи очерчивали его фигуру туманным контуром, похожим на дымку, окутывающую горные вершины, или на прекрасный сон, от которого не хочется просыпаться.

Цзян Шоуянь невольно замедлил шаг, но даже этот тихий звук не укрылся от ушей Чэн Цзайе. Он взглянул на маленькие часы на столе и произнёс:

— Сорок девять минут.

Цзян Шоуянь не понял, о чём он. Чэн Цзайе обернулся с подносом, на котором стоял свежесваренный кофе. Цзян Шоуянь с готовностью подошёл, перехватил поднос и расставил всё на обеденном столе. Опершись на широкий кухонный остров, Чэн Цзайе с улыбкой сказал:

— Сейчас девять тридцать утра. Ты встал на сорок девять минут раньше, чем вчера. Как спалось?

Цзян Шоуяню снова стало немного неловко. Чэн Цзайе готовил завтрак каждое утро. В первый день Цзян Шоуянь проспал до часу дня, и когда, встав, увидел в холодильнике сэндвичи, смутился. Чэн Цзайе же не придал этому значения. Он лишь ласково тёрся кончиком носа о его волосы и мягко приговаривал:

— Тебе не нужно чувствовать вину или думать, что ты пользуешься моей заботой. Даже без тебя я бы всё равно готовил. — Он протянул руку за спину Цзян Шоуяня, закрыл дверцу холодильника, обхватив его за плечи, развернул к себе, наклонился и поцеловал в висок: — Так что не бери в голову. Не успел утром — ничего страшного, съедим это днём или вечером.

Цзян Шоуянь не мог проронить ни слова. Прижатый к холодильнику, он, запрокинув голову, просто ответил на поцелуй.

Чэн Цзайе, казалось, был рождён, чтобы любить. За что ни брался, он во всём делал поразительные успехи, включая отношения, которые были для него неизведанной территорией. Цзян Шоуянь поначалу думал, что они ещё несколько дней будут привыкать друг к другу и мучиться от неловкости, пока однажды днём, когда он валялся на диване с телефоном, Чэн Цзайе, что-то бормоча, не уткнулся головой ему в грудь. Цзян Шоуянь совершенно естественно протянул руку, взъерошил его волосы — и вдруг резко осознал: они миновали период начальной неловкости и вступили в липко-тягучую стадию отношений. Он принялся размышлять, как именно, шаг за шагом, они незаметно пришли к этому, и в бесчисленных фрагментах их общения уловил прямолинейность Чэн Цзайе. Чем более замкнутым был Цзян Шоуянь, тем прямолинейнее тот становился: открыто проявлял эмоции, без обиняков заявлял о своих желаниях и так, исподволь, капля за каплей, заставил Цзян Шоуяня привыкнуть к своему присутствию.

Цзян Шоуянь опустил взгляд и сделал глоток кофе. Вкус был насыщенно-молочным — Чэн Цзайе смешивал его по собственному рецепту. За эти несколько дней он обнаружил, что у Чэн Цзайе поистине золотые руки. Тот умел готовить кофе и чай с самыми разными вкусами, смешивал всевозможные красивые коктейли, а потом увлекал Цзян Шоуяня танцевать в гостиной лицом к лицу — босиком на ковре, попивая эти самые напитки.

За панорамным окном дождь шумно стучал по карнизу, в деревянном доме из колонок лилась мягкая музыка, а желтоватый свет настенных бра окутывал их фигуры. Они соприкасались кончиками носов и в этих объятиях и долгих взглядах безмолвно признавались друг другу в любви.

— Дождь на улице стих, — Чэн Цзайе снял фартук и сел напротив Цзян Шоуяня. Тот слизнул белую пенку с губ и посмотрел в окно.

Лето было в самом разгаре, но солнечный свет в лесу не казался палящим. Поблизости слышалось лишь звонкое пение птиц — ни одного раздражающего, истощающего стрекота цикад.

Река вдали, залитая солнцем, походила на бескрайний кусок янтаря, а изредка налетавший ветер спугивал отдыхавших на берегу водных птиц.

— Столько дней лило — думал, мхом зарасту, — Чэн Цзайе, подперев подбородок рукой, прищурился от улыбки. — Цзян Шоуянь, давай сегодня выберемся покататься на велосипедах.

Заметив на щеке Чэн Цзайе неизвестно когда упавшую капельку воды, блестящую в утреннем свете, Цзян Шоуянь протянул руку и осторожно её смахнул. Чэн Цзайе перехватил его пальцы, поднёс к губам и поцеловал мягкие подушечки. Цзян Шоуянь слегка поджал кончики пальцев:

— Я никогда не ездил на горном велосипеде. Да и на обычном-то — сто лет назад.

Чэн Цзайе, прижав его ладонь к своей щеке, потёрся о неё:

— Вот и славно. Значит, прибавилось ещё одно занятие, которому я могу тебя научить.

В эти дни он рассказывал Цзян Шоуяню теорию рыбалки и сёрфинга, и теперь лишь ждал, когда окончательно распогодится, чтобы перейти к практике на берегу.

После завтрака они выкатили велосипеды на тропинку. Утренний лесной воздух был так чист, что Цзян Шоуяню казалось, будто каждый вдох обновляет всё его существо. Чэн Цзайе придерживал руль велосипеда Цзян Шоуяня, собираясь начать толковое наставление, но, встретившись с его взглядом, внезапно запнулся. Горный велосипед отличается от обычного: спереди у него есть переключатель скоростей. Цзян Шоуянь сидел, упираясь в землю слегка согнутыми ногами, — сиденье было чуть низковато, его не успели отрегулировать. Указав на рычажок переключателя, он спросил:

— А это как работает?

Ответа он не дождался: Чэн Цзайе наклонился и с сочным «чмок» поцеловал его в губы. Цзян

Шоуянь поджал уголки рта:

— Я же задал вопрос.

Чэн Цзайе поцеловал его снова.

— Ты...

Ещё один поцелуй. Цзян Шоуянь замолчал. Тогда Чэн Цзайе сказал:

— Ну всё, всё, учу.

Он мастерски умел подлизываться — на такого и сердиться-то не получалось. Закончив с объяснениями, Чэн Цзайе проследил, как Цзян Шоуянь делает пробный заезд. Убедившись, что тот действительно поймал равновесие, он откинул подножку своего велосипеда и поехал следом.

Лёгкий лесной туман ещё не рассеялся, ветер, несущий влажную прохладу, приятно оведал лицо. Широкие шины горного велосипеда позволяли без малейшего труда ехать по лесной дороге.

Минут десять спустя они миновали подёрнутый дымкой лес и выехали на бескрайнее поле. Солнце ласково пригревало, вдали виднелись поросшие лесом горы в окружении белых облаков, а по обеим сторонам тропинки покачивались пышные сине-фиолетовые шапки цветов. Ветер раздувал футболку Цзян Шоуяня, в лучах летнего солнца его волосы отливали медовым блеском. Он слегка повернул голову — мягкий свет скользнул по его лицу, отбрасывая нежные тени в уголки глаз.

— Что это за цветы? — спросил Цзян Шоуянь, обернувшись и поймав взгляд Чэн Цзайе.

Мысли Чэн Цзайе на мгновение унеслись на семь лет назад, в то далёкое бесконечное лето. А следом пришло осознание: это их первое совместное лето с Цзян Шоуянем.

— Гортензия, — ответил он, и в уголках его глаз затаилась улыбка. — Каждое лето остров утопает в этих цветах. Они цветут всё лето, поэтому у них есть и другое, более поэтичное название, — Чэн Цзайе устремил взор вдаль, на сине-фиолетовое море цветов, словно провожая взглядом череду долгих летних дней. — Их называют «Бесконечное лето».

<http://bllate.org/book/14908/1576628>